ОЧИХ
В библіотеку Исторического Музея

Б. М. Соколовъ. автор.
Преподаватель Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ
и Учительскаго Института.

Д. 6526
22/XI. И.

УПРОЩЕНІЕ ПРАВОПИСАНІЯ.

МОСКВА.—1917.

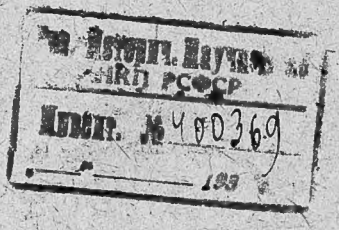
Б. М. Соколовъ,
Преподаватель Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ
и Учительскаго Института.

Д. 6526
29/XI. 18.

УПРОЩЕНІЕ ПРАВОПИСАНІЯ.

МОСКВА. — 1917.

ТИПОГРАФІЯ Т-ва „ЗАДРУГА“,
Москва, Воздвиженка, Крестовоздви-
женскій пер., д. 9. Телефонъ 5-87-02.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей брошюрѣ авторъ стремится оказать посильную помощь лицамъ, желающимъ уяснить себѣ научныя основанія новаго упрощеннаго правописанія. Авторъ хотѣлъ дать самыя краткія свѣдѣнія по исторіи русскаго правописанія, намѣтить главные моменты въ исторіи вопроса объ его реформѣ, отвѣтить на наиболѣе распространенныя въ обществѣ возраженія противъ самой идеи упрощенія и, наконецъ, дать нѣкоторыя поясненія къ правиламъ новаго правописанія.

Къ концу брошюры авторъ счелъ нелишнимъ приложить перечень вводимыхъ измѣненій въ нашу орѳографію, циркуляръ попечителя Московскаго Учебнаго Округа, съ изложенными въ немъ руководящими указаніями Министра Народнаго Просвѣщенія о порядкѣ проведенія въ школу новаго правописанія, а также присоединить къ брошюрѣ литературный образецъ новой орѳографіи.

Для болѣе основательнаго и полнаго ознакомленія съ научнымъ вопросомъ объ упрощеніи правописанія авторъ прежде всего горячо рекомендуетъ читателю книжку приватъ-доцента Д. Н. Ушакова „Русское Правописаніе, очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ“. Изд. 2,

1917 г.“, а также книжку В. И. Чернышева „Упрощеніе русскаго правописанія. Изд. 2. 1912 г.“, гдѣ данъ обстоятельный историческій очеркъ этого вопроса. Въ обѣихъ книжкахъ читатель найдетъ нужныя ему библіографическія указанія.

Б. С.

Упрощеніе правописанія.

I.

Съ начала учебнаго года вводится въ начальную школу упрощенное правописаніе.

Осуществить эту реформу предложено школѣ особыми циркулярами (въ маѣ и іюнѣ) министромъ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловымъ, что было потомъ подтверждено его преемникомъ С. Ф. Ольденбургомъ.

Съ большимъ облегченіемъ вздохнули многіе изъ горячихъ сторонниковъ этой реформы, что наконецъ-то готовъ осуществиться ихъ давнишній и всесторонне разсмотрѣнный проектъ, что, наконецъ, сбрасывается съ труднаго пути народа къ образованію тяжелый и ненужный камень.

Однако съ горькимъ чувствомъ недоумѣнія и огорченія сторонники новаго правописанія принуждены констатировать въ лучшемъ случаѣ сдержанное, а очень часто прямо враждебное отношеніе къ реформѣ, проявленное на этотъ разъ уже не со стороны министерскихъ канцелярій, а со стороны самого общества.

Надо сознаться, что главной серьезной причиной такого общественнаго отношенія къ этой безусловно важной, глубоко передовой и демократической реформѣ является грандіозность, сложность событій современной русской жизни и господствующая повсемѣстная разруха. Отсюда родится чувство опасенія, что новая реформа прибавитъ еще одинъ видъ разрухи, внесетъ излишній безпорядокъ и не облегчитъ, а осложнитъ и безъ того находящееся въ критическомъ положеніи дѣло народнаго образованія. Однако можно смѣло сказать, что на самомъ дѣлѣ такому пессимизму не должно

быть мѣста. Многое въ этомъ отношеніи основано на преувеличеніи дѣйствительныхъ размѣровъ и характера орѳографической реформы. Но уже на явномъ недоразумѣніи, порой же—на незнаніи, а то и на прямомъ невѣжествѣ, основано большинство возраженій и рѣзкихъ выпадовъ, дѣлаемыхъ противъ реформы иногда даже почтенными людьми и въ солидныхъ органахъ печати. Слишкомъ велика неосвѣдомленность широкаго общества въ вопросѣ о природѣ языка и письма, слишкомъ много высказывается авторитетнымъ тономъ необоснованныхъ сужденій, за которыя, порой, кажется, можно покраснѣть отъ стыда. Виновата въ этомъ въ значительной мѣрѣ наша школа, учившая часто очень долго и много чему угодно, но только не русскому языку. Не даромъ студентъ филологъ, приходящій на первую лекцію къ профессору-языковѣду, принужденъ часто выслушать совѣтъ отрѣшиться отъ ложныхъ ученій школьной грамматики. И надо откровенно признаться, что съ точки зрѣнія истинной науки школьная грамматика дѣйствительно является часто—лже-наукой.

Прежде всего въ обществѣ существуетъ чрезвычайно большое заблужденіе относительно связи между письмомъ и языкомъ. Обычно происходитъ пагубное смѣшеніе понятій буквы и звука, письма и языка, правописанія и произношенія. Отсюда глубокое заблужденіе, что измѣненіе правописанія влечетъ за собой измѣненіе и даже порчу языка. Совершенно неправильно представляютъ затѣмъ и исторію правописанія, обычно смѣшивая ее съ исторіей живого языка. Въ частности въ большую ошибку впадаютъ горячіе партизаны-поборники историческаго принципа въ письмѣ, съ жаромъ защищая, напримѣръ, злополучную букву ѣ въ тѣхъ случаяхъ, куда она попала и закрѣпилась исключительно вслѣдствіе ошибокъ старинныхъ писцовъ, а въ дѣйствительности, гдѣ ей нѣтъ и не должно быть мѣста (напримѣръ, въ словахъ змѣй, цвѣлъ, Сергѣй). Послѣдовательный сторонникъ историзма долженъ былъ бы выкинуть ѣ изъ цѣлаго ряда подобныхъ словъ, а съ другой стороны къ великому горю русской школы внести эту букву въ десятки другихъ словъ (напримѣръ, ведро, песокъ, деверь, время, среда, некого и мн. др.). Обычно забываютъ тотъ сложный, полный различ-

ныхъ и историческихъ, и чисто произвольныхъ, случайныхъ наслоеній, путь, которымъ слагалось правописаніе. Обычно думаютъ, что въ правописаніи въ точности отразился весь тотъ путь, которымъ шло развитіе самого языка. На самомъ дѣлѣ, это далеко не такъ. Въ русскомъ правописаніи содержится безконечное количество чистыхъ условностей, случайныхъ и произвольныхъ вліяній, сохранять которыя нѣтъ никакого разумнаго основанія.

Исторія русскаго правописанія значительно осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что старинымъ книжнымъ языкомъ былъ языкъ не русскій, а хотя и родственный, но далеко не тожественный—языкъ старославянскій, т.-е. тотъ языкъ, которымъ владѣли и писали славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій. Въ пониманіи отношеній этого старославянскаго языка къ языку русскому въ обществѣ царитъ обычное заблужденіе. Нерѣдко приходится слышать совершенно невѣрное мнѣніе, что старославянскій языкъ является предкомъ русскаго языка. Дѣло совершенно, однако, обстоитъ не такъ. Старославянскій языкъ является однимъ изъ нарѣчій древне-болгарскаго языка и такимъ образомъ входитъ въ южную группу славянской вѣтви всей индоевропейской семьи языковъ. Предкомъ же русскаго языка, какъ и вообще всѣхъ славянскихъ языковъ, является возсоздаваемый наукой сравнительнаго языкознанія языкъ общеславянскій. Отсюда слѣдуетъ, что выводить факты русскаго языка изъ старославянскаго абсолютно нельзя. Правда, старославянскій языкъ нерѣдко привлекается для сравненія при изученіи исторіи русскаго языка, но дѣлать изъ этого вывода о происхожденіи изъ него русскаго языка (не письма) совершенно неосновательно. Въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ много особенностей въ области звуковъ и ихъ сочетаній, которымъ нѣтъ полнаго соотвѣтствія ни въ древне-русскомъ и тѣмъ болѣе въ современномъ русскомъ языкѣ.

Поэтому вполнѣ понятно, что съ появленіемъ на Руси славянской письменности русскій языкъ при всей близости своей къ языку старославянскому уже въ эту древнюю эпоху имѣлъ цѣлый рядъ существенныхъ отличій, а потому старославянская азбука и письмо сразу обнаружили на русской почвѣ цѣлый рядъ неточностей и излишествъ съ одной

стороны и недостатковъ съ другой. Надо замѣтить однако, что даже въ самой славянской азбукѣ, изобрѣтенной первоучителями, заключался рядъ условностей, совершенно не нужныхъ для передачи даже того языка, для котораго слагалась азбука. Въ видѣ простого подражанія греческому письму были введены въ славянскую азбуку совершенно лишнія буквы, какъ напримѣръ, вмѣсто одной, три буквы (і, и, ѵ) для одного и того же звука и. Наличность въ самой греческой азбукѣ трехъ варіантовъ одной и той же буквы объясняется изъ исторіи греческаго языка, гдѣ нѣкогда три отличные звука (для чего для письма потребовалось три буквы) слились съ теченіемъ времени въ одномъ звукѣ и. Языкъ ушелъ впередъ, а письмо проявило бо́льшую консервативность. Простымъ подражаніемъ греческому является также введеніе двухъ буквъ для звука ф — ф и ѳ; той же причиной объясняется наличность въ старославянской азбукѣ двухъ буквъ—о и ѡ для одного звука о.

При переходѣ старославянскаго письма на Русь прибавился сразу, какъ мы уже сказали, еще цѣлый рядъ новыхъ условностей вслѣдствіе отличія живого русскаго языка отъ старославянскаго. Таковы, хотя-бы, бывшіе въ старославянской письменности вполнѣ умѣстными,—а въ русской совершенно излишними, — такъ называемые „юсы“ большой и малый. Въ старославянскомъ языкѣ эти буквы обозначали бывшіе въ старославянскомъ языкѣ носовые гласные звуки; въ русскомъ же языкѣ въ X—XI в. уже этихъ носовыхъ звуковъ не было, они замѣнились звуками у и я. Такимъ образомъ при появленіи на Руси слявянской азбуки оказались по двѣ буквы для звука у (ѫ и у) и по двѣ буквы для звука я (ѧ и ꙗ).

Русскій языкъ, какъ и всякій другой живой языкъ, подлежалъ и подлежитъ безпрерывному измѣненію. Одни факты языка (звуки, формы, значенія словъ и пр.) замѣняются другими или совершенно исчезаютъ. Такъ случилось и со звукомъ, обозначавшимся въ славянской азбукѣ буквой ѣ. Этотъ нѣкогда особый звукъ отожествился уже въ древнюю эпоху жизни русскаго языка со звукомъ е. Отсюда въ письмѣ оказалось два знака или, что то же, двѣ буквы, ѣ и е для одного звука е. Такимъ же путемъ перешли въ разрядъ

лишнихъ буквъ **ъ** и **ь**. Въ теченіе XII—XIII в. произошло измѣненіе обозначавшихся этими буквами особыхъ гласныхъ звуковъ: въ однихъ положеніяхъ эти звуки перешли въ звуки **о**, **е** (напр. вм. сънъ—сонъ, вм. дьнь—день), въ другихъ они исчезли (напр. въ концѣ словъ, въ частности, только что приведенныхъ). Опять на письмѣ получились лишнія буквы. Долгое время на письмѣ путались буквы **ъ** и **о**, **ь** и **е**. Конечные же **ъ** и **ь**, исчезнувъ въ произношеніи, на письмѣ получили новое осмысленіе, какъ знаки твердости и мягкости; какъ видимъ, осмысленіе позднее, не первоначальное.

Чѣмъ дальше измѣнялся живой языкъ, тѣмъ условностей, въ силу значительной консервативности письма и правописанія, становилось въ послѣднемъ все больше и больше. Между письмомъ и языкомъ образовалась большая пропасть.

Однако и письмо не могло оставаться неизмѣннымъ. Измѣняющаяся жизнь вторглась и въ эту отсталую и консервативную область, и подъ напоромъ жизни письмо вынуждалось къ уступкамъ. Нашъ старый книжный языкъ, а также правописаніе, представляли собою смѣсь старославянскаго языка съ невольно просачивавшимися въ письмо особенностями живого русскаго языка, такъ называемыми руссизмами. Напримѣръ, въ отношеніи буквъ оставались по традиціи **ѧ**, **ѣ**, **ъ**, **е** (не **о**, какъ въ русскомъ языкѣ, напримѣръ, въ словѣ несъ) и пр., съ другой стороны подъ вліяніемъ русскаго живого языка вторгались **у** вм. **ѫ**, **о** и **е** вм. **ъ** и **ь** въ извѣстныхъ положеніяхъ, окончаніе—**ого** вм. старославянскаго—**аго** и мн. другое. Подъ вліяніемъ живого русскаго произношенія письмо къ XIV вѣку сдѣлало сильныя уступки въ его сторону. Старославянскія особенности, унаслѣдованныя по традиціи, все больше и больше отступали на задній планъ. Но съ конца XIV—XV в. приходъ на Русь южно-славянскихъ книжниковъ ввелъ чисто искусственныя, сознательно архаизированныя (но далеко не основательно) правила правописанія. Вновь появились юсы, **ъ** и **ь**, окончаніе—**аго** вм. русскаго—**ого**, окончанія прилагательныхъ—**ый**,—**ій** вм. русскихъ—**ой**,—**ей**. Правописаніе чисто искусственнымъ путемъ должно было податься не впередъ вслѣдъ за живымъ языкомъ, а назадъ въ сторону старославянской старины. Однако въ московскомъ языкѣ приказовъ (XV—XVI в.) мы вновь видимъ стремленіе

оживить свѣжей водой родной стихіи книжный, наполненный славянщиной, языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта живая струя отражается и на письмѣ, которое однако все же надолго остается смѣсью съ церковно-славянщиной.

Петръ Великій, измѣнивъ славянскій шрифтъ на гражданскій, сдѣлалъ рядъ измѣненій въ области употребленія нѣкоторыхъ буквъ. Онъ отказался отъ нѣкоторыхъ лишнихъ буквъ: юса, омеги, кси, пси, ижицы, но многое (въ частности ѣ, ъ, ѳ) оставилъ. Дѣятели XVIII вѣка, желая упорядочить правописаніе, старались найти опору въ церковно-славянскомъ языкѣ, при чемъ часто впадали въ произвольные домыслы. Такъ, Ломоносовъ утвердилъ правило писать—ые въ окончаніи им. падежа мн. числа мужескаго рода, а—ыя въ окончаніи того же падежа женскаго и средняго рода. Совершенно произвольными оказались правила XVIII вѣка объ употребленіи і передъ гласными, а и передъ согласными. Въ такомъ видѣ необычайной смѣси старославянскихъ пережитковъ, подражаній греческому письму, остатковъ древнерусскаго языка, различныхъ ошибочныхъ, но случайно закрѣпленныхъ, написаній, наконецъ, всевозможныхъ мудрствованій стараго и болѣе новаго времени русское правописаніе дожило до XIX вѣка. Въ этомъ письмѣ было много произвольнаго, неустойчиваго. Стоитъ только заглянуть въ невѣроятную орѳографію нашихъ писателей начала XIX вѣка. Настоятельно требовалось упорядочить правописаніе. Руководство Грота (1885 г.) явилось такимъ средствомъ. Но всевозможныхъ противорѣчій, условностей, искусственныхъ домысловъ не удалось избѣжать этому ученому. Установленное имъ правописаніе, несмотря на безконечное количество правилъ, отнюдь не влило достаточной убѣдительности въ ихъ разумность и полезность. Правописаніе осталось чрезвычайно труднымъ для усвоенія и, большею частью, не убѣдительнымъ по своимъ доводамъ. Жизнь, школа и наука властно требовали его измѣненія въ сторону значительнаго упрощенія.

II.

Но большое заблужденіе обнаруживаетъ тотъ, кто подъ упрощеніемъ правописанія понимаетъ замѣну стараго право-

писанія полнымъ *фонетическимъ* письмомъ, т.-е. предполагаетъ осуществленіе принципа: пиши, какъ произносишь. Надо признаться, что этотъ ошибочный взглядъ необычайно вредитъ дѣлу реформы. Напуганный воображаемой полной ломкой привычнаго правописанія и неизбѣжными осложненіями при полномъ проведеніи фонетическаго принципа россійскій обыватель съ ужасомъ отмахивается отъ глубоко разумнаго и полезнаго упрощенія нашего письма и становится врагомъ всякой реформы въ этой области. Надо признать, что всякое правописаніе является дѣломъ условнымъ, оно не можетъ быть буквально тожественнымъ съ произношеніемъ. Слишкомъ велики оттѣнки въ области звуковъ, слишкомъ бы много потребовалось для этого особыхъ знаковъ. Напримѣръ, для передачи на письмѣ основныхъ звуковъ современнаго литературнаго языка мы должны бы были ввести недостающія у насъ буквы іота (напр., jагода) и h (для обозначенія длительнаго звука г, напр., въ словѣ Бога въ отличіе отъ мгновеннаго, напр., въ словѣ — нога), мы бы должны были ввести болѣе точное и послѣдовательное обозначеніе мягкости согласныхъ. Кромѣ того, въ виду необычайно большого расхожденія современнаго живого произношенія отъ правописанія, фонетическая транскрипція вынудила бы насъ сдѣлать новое письмо совершенно отличнымъ отъ стараго, хотя бы уже по одному тому, что въ современномъ литературномъ произношеніи (а въ основѣ такового лежитъ московскій говоръ) мы произносимъ неударяемыя гласныя совершенно иначе, чѣмъ обозначаемъ на письмѣ. Напримѣръ, въ московскомъ произношеніи слово „голова“ звучитъ приблизительно, какъ гылава [1]), а „передовой“ — пиридовой.

Трудность такого точнаго фонетическаго письма легко усмотрѣть сразу, какъ только мы постараемся передать на письмѣ точный выговоръ хотя бы нѣсколькихъ фразъ.

Приблизительно вотъ какъ должны бы мы передать литературное произношеніе гоголевской повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“.

---

[1]) Точнѣе въ первомъ слогѣ произносится не звукъ ы, а особый глухой, близкій къ ы, но для котораго на письмѣ нѣтъ особаго знака. Въ научной транскрипціи этотъ звукъ условно обозначаютъ черезъ ъ.

Ноч' п'ерит Ръжыством.

Пас'л'ед'н'ий д'ен' п'ер'ит Ръжыством прашол. З'им'н'ијъ јаснъјъ ноч' нъступ'илъ; г'л'анул'и з'в'озды; м'ес'иц в'ил'ич'авъ пъд'н'илс'а на н'ебъ пъс'в'ит'ит' добрым л'уд'им и ф'с'иму м'иру, штобы ф'с'ем былъ в'ес'илъ къл'идават' и слав'ит' Х'р'иста.

Буква ъ въ этой транскрипціи означаетъ полуглухой гласный звукъ, близкій къ звуку ы. Въ этой транскрипціи остались необозначенными далеко не всѣ оттѣнки звуковъ. Апострофъ долженъ обозначать мягкость согласнаго.

Трудность введенія въ полномъ видѣ фонетическаго принципа на практикѣ увеличивалась бы еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что литературнымъ произношеніемъ пользуется сравнительно небольшая часть великорусскаго народа (я уже не беру совершенно въ разсчетъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ). Многіе даже изъ образованнаго общества сохраняютъ черты своего родного выговора. При массѣ и необычайной пестротѣ русскихъ нарѣчій и говоровъ съ введеніемъ въ правописаніе чисто фонетическаго принципа наше правописаніе стало бы тарабарщиной. Возьмемъ хотя бы одно слово — село. Въ зависимости отъ мѣстныхъ говоровъ это простое слово могло было быть написаннымъ и въ видѣ — сило, сяло, село и, наконецъ, сёло. Ясно, что строго фонетическое письмо не облегчило бы дѣла обученія грамотѣ и не упорядочило бы правописанія, а внесло бы чрезмѣрную пестроту и безграничный произволъ.

Итакъ, между упрощеніемъ правописанія и установленіемъ фонетическаго письма „дистанція огромнаго размѣра". Письмо не можетъ быть сближено вплотную съ произношеніемъ, условность въ немъ неизбѣжна, но изъ этого не вытекаетъ, что оно должно быть труднымъ для усвоенія и не можетъ отъ поры до времени подвергаться упрощенію, уничтоженію изъ него излишняго, ненужнаго балласта, въ видѣ лишнихъ буквъ и необоснованныхъ орѳографическихъ правилъ.

Обычно противъ реформы, какъ мы выше упомянули, ополчаются защитники *историческаго* принципа въ языкѣ. Но эти рыцари стараго правописанія нерѣдко обнаруживаютъ

съ одной стороны слишкомъ большое рвеніе, усердіе не по разуму, а съ другой, исходя изъ историческаго принципа, не хотятъ довести его до логическаго конца. Останавливаясь же на полдорогѣ, они тѣмъ самымъ обнаруживаютъ недостаточную увѣренность въ правильности избраннаго ими пути.

Мы уже видѣли, какъ, защищая въ неприкосновенности наше правописаніе, эти поборники историзма съ одной стороны защищаютъ чисто ошибочныя, не вытекающія изъ исторіи языка, написанія, хотя бы въ отношеніи буквы ѣ. А подобныхъ фактовъ, помимо ѣ, въ нашемъ правописаніи безчисленное количество. Съ другой стороны сторонники историческаго принципа въ правописаніи должны бы итти до конца: они бы должны были послѣдовательно проводить его и возстановить во всѣхъ случаяхъ. При этомъ за основу они должны бы счесть прежде всего старославянское правописаніе (вѣдь старославянскій языкъ и письмо положили основаніе нашему книжному языку и, главное, письму). Но такая архаизація, ясно, абсурдна. Не болѣе благополучно обстояло бы дѣло, если бы сторонники историзма въ письмѣ признали за норму древнерусское правописаніе X—XI в. То и тогда бы наше правописаніе должно бы было принять совсѣмъ иной обликъ. По примѣру одного изъ ученыхъ, сторонниковъ реформы правописанія, проф. Р. Ѳ. Брандта мы бы должны самую обычную фразу „гдѣ здѣсь мелочная лавка“ — написать въ видѣ: „къде сьдесе мѣлъчьная лавъка“ [1]). Вполнѣ понятно, что едва ли бы нашлись сторонники и подобной реформы. Наконецъ, даже если за норму для правописанія взяли бы языкъ болѣе новой эпохи, напримѣръ, XIV в., то и тутъ, помимо недоумѣнія, почему нужно воскрешать вообще какую бы ни было эпоху языка и закрѣплять языкъ этой эпохи на письмѣ, возникла бы масса трудностей вслѣдствіе значительной ломки правописанія.

Наконецъ, мы должны остановиться еще на одномъ принципѣ правописанія — *этимологическомъ*, т.-е. основанномъ

---

[1]) По фонетической транскрипціи мы должны бы были эту же фразу передать приблизительно такъ: «г'д'е з'д'ес' м'илая'наjъ лафкъ», а по вводимому упрощенному правописанію: «где здесь мелочная лавка».

на связи написанія однихъ словъ съ произношеніемъ другихъ словъ или частей словъ. Но и здѣсь, если бы мы пожелали положить исключительно его въ основу нашего письма, то мы были бы вынуждены совершить извѣстное количество отступленій отъ обычнаго письма и иногда не облегчить, а затруднить дѣло правописанія. Правда, этимологическій принципъ, наиболѣе практически полезенъ: благодаря ему обучающійся грамотѣ легче усваиваетъ правила и легче можетъ оріентироваться въ лабиринтѣ грамматическихъ правилъ. Но горе въ томъ, что многочисленныя измѣненія въ долгой жизни русскаго языка, настолько затемнили корни и основы словъ, что часто самые искушеннные языковѣды бьются въ ихъ возстановленіи. Кто, напримѣръ, сразу догадается, что слово чанъ восходитъ къ тому же корню, что доска, что слово Брянскъ къ слову дебрь, что слова конецъ и начало имѣютъ одинъ корень, какъ одинъ и тотъ же корень имѣетъ слова вонь и благоуханіе. Вполнѣ понятно, что въ нашемъ правописаніи установилось не малое количество ложныхъ написаній, основанныхъ на ошибочныхъ этимологическихъ сближеніяхъ, ложномъ словопроизводствѣ. Такъ, слово смиреніе мы пишемъ черезъ **и**, такъ какъ сближаемъ его со словомъ миръ; на самомъ же дѣлѣ корень этого слова связанъ со словомъ мѣра, мѣрить и, слѣдовательно, слово должно было писаться черезъ **ѣ**. Часто встрѣчаются въ нашемъ письмѣ отступленія отъ этимологическаго принципа: свадьба вм. сватьба, гдѣ вм. къде. Такимъ образомъ, если съ одной стороны этимологическій принципъ въ установленіи орѳографическихъ правилъ приноситъ несомнѣнную пользу, то съ другой стороны проведеніе его въ жизнь въ полной неприкосновенности должно было бы также значительно видоизмѣнить существующее правописаніе, какъ и при послѣдовательномъ примѣненіи фонетическаго и историческаго принциповъ.

При всемъ томъ этимологическій принципъ (если мы не будемъ смѣшивать его съ научно этимологическимъ, т.-е. возведеніемъ словъ къ древней, часто затуманенной для насъ основѣ), принципъ, поддерживающій написаніе того или другого слова путемъ сличенія съ другими словами современнаго литературнаго языка (напр. нога по сравненію съ ногъ, народъ по сравненію со словомъ народа, народы и пр.) долженъ

быть признанъ наиболѣе полезнымъ и нужнымъ для поддержанія единообразія въ правописаніи.

Итакъ, съ одной стороны, мы видѣли, наше правописаніе наполнено чрезвычайнымъ количествомъ условностей и всевозможныхъ наслоеній, въ его правилахъ мы видимъ смѣшеніе разнообразныхъ принциповъ; но съ другой стороны мы обнаружили также невозможность послѣдовательнаго проведенія въ правописаніи какого-нибудь единаго принципа. Всякое правописаніе, въ частности русское, поневолѣ должно носить въ извѣстной степени условный характеръ. Однако, повторю опять, это нисколько не исключаетъ необходимости и возможности его упрощенія. Нужно стремиться къ тому, чтобы усвоеніе правописанія становилось насколько возможно легкимъ и само правописаніе было избавлено отъ излишняго балласта, трудныхъ, явно безполезныхъ правилъ, тѣмъ болѣе нерѣдко вполнѣ произвольныхъ.

Нельзя дѣлать изъ письма какого-то неприкосновеннаго фетиша. Нельзя дѣлать изъ него идола и бить передъ нимъ поклоны. Надо, наоборотъ, постараться, чтобы письмо исполняло съ наибольшей легкостью свою прямую цѣль — быть единообразнымъ, удобнымъ и доступнымъ средствомъ для передачи на письмѣ человѣческой мысли, выражаемой въ словахъ родного языка.

III.

Вполнѣ понятно, что трудность нашего правописанія и излишества нашей азбуки уже давно обратили на себя вниманіе. Вопросъ о реформѣ нашего правописанія необычайно давній. Уже Петръ Великій при выработкѣ гражданскаго алфавита сразу покончилъ съ нѣкоторыми буквами: юсъ малый, кси, пси, зѣло, [1]) ижица. Одно время даже была уничтожена одна изъ буквъ для **и**, именно **и** восьмеричное, и въ XVIII вѣкѣ нерѣдко писали и даже печатали съ однимъ і. Однако вскорѣ снова водворились обѣ буквы, и въ граждан-

[1]) Точнѣе—Петръ Великій оставилъ букву зѣло, какъ болѣе похожую на латинское s, а упразднилъ букву з. Впрочемъ позднѣе въ гражданскій шрифтъ вошло з (земля), но уже безповоротно упразднилась вторая буква для того же звука.

скій алфавитъ опять введена была буква и. Противъ нѣкоторыхъ лишнихъ буквъ, именно е и ѣ, высказывался, правда, бездарный, какъ поэтъ, но незаурядный, какъ мыслитель, Тредьяковскій. Самъ Ломоносовъ, много поработавшій надъ русской грамматикой, но не рѣдко вслѣдствіе неправильныхъ научныхъ понятій того времени устанавливавшій произвольныя правила, довольно опредѣленно выражалъ свое непочтеніе къ буквѣ ъ, считая ее „пятымъ колесомъ". Появлялись иногда довольно обстоятельныя разсужденія на тему реформы правописанія. Такъ, въ началѣ XIX вѣка рѣзкимъ врагомъ буквъ ѣ, ъ, ь и і былъ нѣкто Хабаровъ, высказавшій весьма дѣльныя и во многомъ, особенно для того времени, вѣрныя мысли по вопросу о реформѣ. Не многимъ извѣстно, что горячимъ сторонникомъ реформы правописанія былъ нашъ знаменитый критикъ В. Г. Бѣлинскій, стоявшій почти за полное (за исключеніемъ такихъ словъ, какъ ѣсть, въ отличіе отъ есть) уничтоженіе ѣ, а также і, ѳ, ь. Говоря о злополучномъ ѣ, онъ восклицалъ: „для чего же все это, если не для того, чтобы попусту мучить и учащихся и учащихъ!" Онъ предвидѣлъ трудности при осуществленіи реформы: „Сначала оно покажется странно и дико; но какъ привыкнутъ къ этому, то будутъ удивляться нелѣпости и дикости прежней орѳографіи. До тѣхъ же поръ грамматика и въ особенности ея часть — правописаніе останется бичомъ и пыткой для учащихъ, камнемъ безпрестаннаго преткновенія для учащихся".

Довольно оживленные разговоры о необходимости реформы правописанія возникли въ 1862 г. въ Петербургѣ въ связи съ поднятіемъ этого вопроса въ Педагогическомъ Собраніи по иниціативѣ извѣстнаго педагога Стоюнина. Уже тогда были высказаны весьма опредѣленныя пожеланія объ уничтоженіи лишнихъ буквъ, а также намѣчены многія другія упрощенія. Въ 80-хъ годахъ въ печати выступилъ со своимъ проектомъ реформы проф. Р. Ѳ. Брандтъ, одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ сторонниковъ коренной реформы правописанія въ сторону наибольшаго сближенія письма съ живымъ произношеніемъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ вопросъ о реформѣ былъ поставленъ извѣстнымъ московскимъ педагогомъ В. П. Шереметевскимъ, обнаружившимъ въ разсмотрѣніи этого вопроса большую педагогическую опытность и подвергшій всесто-

ронней критикѣ руководство къ русскому правописанію академика Грота.

Самое сильное оживленіе вопроса объ упрощеніи правописанія падаетъ на начало нашего вѣка. Въ 1901 году рядомъ видныхъ московскихъ педагоговъ и ученыхъ (въ обсужденіи вопроса наиболѣе живое участіе принимали ак. Ф. Ѳ. Фортунатовъ, проф. Р. Ѳ. Брандтъ, П. Н. Сакулинъ, С. Г. Смирновъ) былъ выработанъ Московскимъ Педагогическимъ Обществомъ извѣстный проектъ орѳографической реформы, а также составленъ обстоятельный докладъ. Примѣру Московскаго Педагогическаго Общества вскорѣ послѣдовали педагогическія Общества Казани и Одессы, также горячо взявшіяся за дѣло упорядоченія и упрощенія правописанія. Наконецъ, вслѣдствіе запросовъ педагогическихъ обществъ и учрежденій за дѣло взялись нѣкоторые видные представители высшаго русскаго ученаго учрежденія—Академіи Наукъ. Въ 1904 году была созвана при Академіи Наукъ подъ предсѣдательствомъ покойнаго великаго князя Константина Константиновича особая орѳографическая комиссія, куда вошли многіе академики, профессора, педагоги, литераторы, общественные дѣятели и дѣятели печати, всего 50 человѣкъ. Здѣсь былъ представленъ цвѣтъ русской филологической науки, академики Ѳ. Е. Коршъ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ, А. И. Соболевскій, А. Н. Пыпинъ, профессора Бодуэнъ де Куртенэ, Р. Ѳ. Брандтъ, Е. Ѳ. Будде, С. К. Буличъ, И. А. Шляпкинъ, болѣе молодые представители науки, какъ, П. Н. Сакулинъ, Н. Н. Каринскій, Л. В. Щерба, В. Н. Чернышевъ. Членомъ этой комиссіи былъ и недавній министръ народнаго просвѣщенія С. Ѳ. Ольденбургъ. Въ засѣданіяхъ комиссіи защитники реформы проявили много научнаго знанія, педагогическаго опыта и искренняго желанія помочь дѣлу народнаго образованія. Наука, общественность и школа подали другъ другу руки въ рѣшеніи очень важнаго и несомнѣнно больного вопроса русской школы и образованія. Подавляющее большинство членовъ комиссіи высказалось въ пользу упрощенія правописанія. Комиссія въ первомъ же засѣданіи пришла къ заключенію о необходимости исключенія лишнихъ буквъ (ѳ, ѣ, одного изъ и, ъ), а для разработки ряда другихъ упрощеній избрала особую подкомиссію изъ

числа наиболѣе авторитетныхъ въ этомъ вопросѣ ученыхъ и педагоговъ. Работы подкомиссіи на первыхъ порахъ шли весьма энергично. Уже въ маѣ того же года было выпущено въ свѣтъ „Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи", съ изложеніемъ очень ясно выраженныхъ основныхъ (въ общемъ немногочисленныхъ) пунктовъ реформы. Образованіе орѳографической комиссіи и подкомиссіи вызвало обширный обмѣнъ мнѣній въ газетахъ и журналахъ. Вопросъ реформы привлекъ вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ и подвергался пересудамъ въ разныя стороны. Однако политическія событія — Японская война и освободительное движеніе, а затѣмъ реакція надолго отложили клонившееся было къ завершенію дѣло реформы правописанія. Подкомиссія собралась вновь лишь въ 1910 г., а свое постановленіе опубликовала лишь въ 1912 г. Правительство не оказывало ни малѣйшаго желанія осуществлять реформу. Министръ Народнаго Просвѣщенія Кассо относился къ ней явно отрицательно. Дѣло было отложено такимъ образомъ въ далекій ящикъ. Тѣмъ не менѣе голоса о необходимости упрощенія правописанія продолжали раздаваться отъ поры до времени все вновь и вновь. Въ 1912 — 13 гг. Всероссійскій съѣздъ по народному образованію вынесъ соотвѣтствующую резолюцію. Опредѣленный взглядъ въ пользу реформы высказалъ послѣ ряда обстоятельныхъ докладовъ собравшійся Рождествомъ 1916 — 17 г. въ Москвѣ Первый всероссійскій съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности, настаивавшій на необходимости скорѣйшаго проведенія въ жизнь реформы правописанія, уже достаточно и всесторонне разсмотрѣнной и обсужденной педагогическими и учеными авторитетами.

Послѣдовавшая отставка гр. Игнатьева, бывшаго сторонникомъ реформы, и наступившая затѣмъ темная полоса русской жизни вновь похоронили дѣло реформы. Но наступили великіе революціонные дни, и для общественной, а въ частности школьной, самостоятельности и иниціативы открылась свободная дорога. Представилась полная возможность приступить къ осуществленію давно назрѣвшей и хорошо разработанной реформы. 11 мая подъ предсѣдательствомъ ак. А. А. Шахматова по вопросу о реформѣ было созвано со-

вѣщаніе, которое приняло почти цѣликомъ (за исключеніемъ двухъ правилъ) постановленія орѳографической подкомиссіи, а министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ, идя навстрѣчу давнишнему желанію передового учительства, освященному высшими научными авторитетами, предложилъ начать осуществленіе этой реформы съ самаго начала текущаго учебнаго года. Какъ видно изъ прилагаемыхъ къ очерку циркулярныхъ распоряженій обученіе новому правописанію примѣняется, какъ обязательное, только къ лицамъ, лишь приступающимъ къ грамотѣ. Насильно никто никого переучивать не намѣревается. Такимъ образомъ, наконецъ, положено начало осуществленію давнишней мечты многихъ сторонниковъ упрощенія. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія исполнилъ настойчивыя давнишнія пожеланія школы и общества. Тѣмъ болѣе странной является та необдуманная и совершенно излишняя шумиха, поднятая нѣкоторыми органами печати противъ орѳографической реформы и имени бывшаго министра. Неоднократно раздавались въ печати и устно совершенно неосновательные, какъ смѣло мы можемъ заключить на основаніи вышеизложеннаго, упреки, что реформа сдѣлана по личной иниціативѣ А. А. Мануилова и чуть ли не является плодомъ его единоличнаго творчества. Да и вообще въ связи съ современными политическими переживаніями въ обсужденіе этого вопроса вносилось и вносится не мало излишней горячности и постороннихъ, ничего не уясняющихъ, а лишь запутывающихъ дѣло, сужденій и осужденій.

IV.

Изъ сдѣланнаго въ началѣ краткаго очерка природы и исторіи русскаго правописанія, а также изъ бѣглаго обозрѣнія вопроса объ его реформѣ, мы, кажется, получили нѣкоторыя данныя для отвѣта на разнообразныя раздававшіяся и продолжающія раздаваться возраженія, а иногда горячіе выпады и протесты, противъ вводимой реформы. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію и объясненію съ научной точки зрѣнія вводимыхъ упрощеній правописанія, мы считаемъ не лишнимъ кратко обсудить главнѣйшія и наиболѣе распространенныя изъ этихъ возраженій.

Скажу откровенно, въ большинствѣ этихъ возраженій противъ реформы гораздо больше сказывается обывательскаго страха передъ новшествомъ, и боязни отказаться отъ привычки, чѣмъ дѣйствительно разумныхъ, а тѣмъ болѣе научныхъ основаній.

Несмотря на длинную, какъ мы видѣли, исторію вопроса о реформѣ, всестороннее его обсужденіе и на многочисленныя газетныя и журнальныя полемическія статьи, когда могли во всей широтѣ высказаться наряду со сторонниками, также всѣ противники реформы, — идея необходимости упрощенія правописанія все болѣе и болѣе укрѣплялась. Не далѣе, какъ на прошлогоднемъ вышеупомянутомъ всероссійскомъ съѣздѣ словесниковъ одинъ изъ самыхъ горячихъ и авторитетныхъ сторонниковъ упрощенія проф. П. Н. Сакулинъ въ своемъ докладѣ опредѣленно подчеркнулъ, что „научная и педагогическая сторона самой идеи объ упрощеніи русскаго правописанія не поколеблена возраженіями, которыя до сихъ поръ высказывались въ печати", а другой докладчикъ, проф. Р. Ѳ. Брандтъ, не менѣе опредѣленно указалъ, что „ученые, стоявшіе за ходячее письмо, обыкновенно или не были филологами, или возражали не какъ филологи; изъ филологическихъ доводовъ въ пользу обычнаго письма ни одинъ не выдерживаетъ критики, а наука, такимъ образомъ, отнюдь не требуетъ орѳографическихъ ухищреній и можетъ только сочувствовать реформѣ".

Наиболѣе обычное возраженіе противъ упрощенія правописанія исходитъ изъ среды защитниковъ историческаго принципа въ письмѣ. Къ этому же прибавляется взглядъ на письмо, какъ на извѣстнаго рода національное нерушимое достояніе. Мы уже видѣли, что многіе изъ этихъ оппонентовъ реформѣ часто находятся въ явномъ заблужденіи относительно степени соотвѣтствія нашего правописанія историческому развитію языка. Изъ краткаго анализа происхожденія и исторіи русскаго правописанія мы видѣли весь тотъ сплавъ разнородныхъ историческихъ, случайныхъ и явно ошибочныхъ элементовъ и условностей, изъ котораго состоитъ наше правописаніе. Правописаніе является часто плодомъ различныхъ компромиссовъ письма и языка и прямыхъ домысловъ и ошибокъ. Часто въ роли защитниковъ нашего

правописанія, какъ результата органическаго историческаго процесса, являются лица, абсолютно въ этомъ вопросѣ некомпетентныя, въ то время какъ большинство нашихъ лучшихъ филологовъ и лингвистовъ становится въ ряды горячихъ сторонниковъ упрощенія.

Въ связи съ этимъ возраженіемъ противъ упрощенія нерѣдко въ защиту стараго письма и такъ называемыхъ „лишнихъ“ буквъ, въ частности ѣ, приходится слышать голоса, что это правописаніе поддерживаетъ на письмѣ большое сходство съ другими славянскими языками, чѣмъ укрѣпляется идея славянскаго единства и общихъ источниковъ славянской культуры. На это легко отвѣтить тѣмъ, что славянскую идею лучше поддерживать не мертвыми буквами, а живыми дѣлами. Ученому же филологу написаніе словъ съ ѣ, ъ и пр. все равно не можетъ служить большимъ облегченіемъ уже по одному тому, что ни одинъ филологъ не имѣетъ права для своихъ научныхъ заключеній базироваться на нашемъ условномъ и часто ошибочномъ правописаніи, а всякій разъ долженъ подвергать его всесторонней критической провѣркѣ.

Вслѣдствіе совершенно ложнаго представленія объ отношеніи письма къ языку, а тѣмъ болѣе полнаго ихъ отожествленія, проистекаетъ то явно ошибочное положеніе которое, однако, многими выдвигается, какъ сильный аргументъ противъ реформы, именно, будто бы реформа правописанія посягаетъ на чистоту и правильность русскаго языка. Нѣкоторымъ противникамъ реформы даже представляется, что съ введеніемъ реформы правописанія исказится языкъ нашихъ писателей-классиковъ. Стоящія на такой точкѣ зрѣнія лица совершенно не понимаютъ роли правописанія, они забываютъ, что правописаніе не болѣе какъ просто внѣшній письменный знакъ для нашей рѣчи, что измѣненіе внѣшности этихъ знаковъ мысли (напр. устраненіе ѣ и замѣна его черезъ е) не влечетъ за собой измѣненія произношенія. Правда, бываютъ случаи ложнаго книжнаго произношенія, напримѣръ, нѣкоторые подъ вліяніемъ неправильнаго метода преподаванія въ школѣ— начинаютъ произносить „по печатному“— ого,—его вм. ова, ева, или, напримѣръ, мѣстоимѣніе ея вм. ее, но вѣдь это

случайныя явленія, которыя должны не *поддерживаться*, а наоборотъ пресѣкаться.

Совершенно нелѣпо думать, что перепечатка произведеній Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова новымъ правописаніемъ должна повлечь за собой измѣненіе и порчу ихъ художественнаго языка. Явность подобнаго заблужденія вытекаетъ уже изъ одного того, что, если просмотримъ, какъ выливались на бумагѣ непосредственно изъ-подъ пера тѣ или другія произведенія нашихъ писателей-классиковъ, то у многихъ ревнителей старой орѳографіи волосы стали бы дыбомъ. Вотъ, напримѣръ, въ какую внѣшнюю форму отлились на бумагѣ строки изъ грибоѣдовскаго „Горя отъ ума“.

Приведемъ для примѣра мѣсто изъ разговора Фамусова со Скалозубомъ: На восклицаніе Фамусова: въ крестахъ ли недочетъ? Скалозубъ отвѣчаетъ: „Шесть седмь ихъ у меня, да естлибъ было дѣсять, нехудо бы еще одинъ привѣсить“. Въ другомъ мѣстѣ Фамусовъ задаетъ вопросъ лакею: „Сѣнѣй незаперъ для чего?“.

Или вотъ примѣръ изъ Пушкина. Выписываю изъ „Русалки“, изданной фототипическимъ путемъ по подлинной рукописи:

„Князь: Кто ты? Старикъ. Я здѣшній воронъ. Кн. Возможноль? Это мѣльникъ *Ст.* Что за мѣльникъ я продалъ мѣльницу бѣсамъ запѣчнымъ“.

Или еще отрывокъ: „*Князь.* Старикъ нещастный мѣльникъ! видъ его во мнѣ разкаянья всѣ муки разтравилъ“.

Біографъ Кольцова говоритъ слѣдующее: „Первоначальныя рукописныя тетрадки Кольцова поражаютъ своей безграмотностью. Правда, впослѣдствіи, подъ конецъ жизни онъ научился, по крайней мѣрѣ, отдѣлять одно слово отъ другого; но знаки препинанія и другія тонкости правописанія остались недоступны для него навсегда“. Все это мы говоримъ, конечно, не въ защиту безграмотности, а для разумленія тѣхъ, кто слишкомъ переоцѣниваетъ значеніе правописанія и въ измѣненіи его правилъ видитъ бѣдствіе и порчу самого *языка*.

Среди противниковъ реформы правописанія нерѣдко можно слышать тотъ доводъ, что не мѣняютъ же своего правописанія хотя бы англичане и французы, и берегутъ его,

даже несмотря на всю трудность и сложность ихъ правописанія; зачѣмъ же намъ отказываться отъ своего стараго правописанія. Отвѣтимъ на это словами писателя еще начала XIX вѣка, вышеупомянутаго Хабарова: „Зачѣмъ сравненія?... они не доказательства. И французы и англичане не выигрываютъ отъ того, что ихъ орѳографія затруднительна, сбивчива, безтолкова. Тѣмъ лучше для насъ русскихъ, если наша азбука и способъ правильно выражать буквами свои мысли простъ, понятенъ и ясенъ. Это не порокъ, а достоинство, которымъ смѣло можемъ гордиться передъ ученой Европой".

Мы не будемъ касаться доводовъ противъ реформы педагогическаго, если такъ можно выразиться, характера; въ основу ихъ положена мысль что 1) ученики еще больше будутъ лѣниться, они-де и такъ мало учатся, 2) неразумно облегчать обученіе правописанію, т. к. оно даетъ учащимся большую умственную работу. Намъ приходится только пожалѣть, что подобнаго рода доводы вообще высказываются, а у ихъ авторовъ не находится подходящихъ плановъ, чѣмъ бы заполнить время школьнаго ученія, взамѣнъ труднаго, скучнаго и безполезнаго изученія нашихъ орѳографическихъ правилъ. Совершенно неправильно также возраженіе противъ самой идеи упрощенія изъ боязни, что оно отдалитъ учащихся отъ родной національной стихіи—русскаго языка. Тысячу разъ это неправильно. Оставшееся отъ уроковъ правописанія время можетъ и должно съ пользой обратиться на дѣйствительное изученіе русскаго языка, на внимательное вдумчивое чтеніе художественныхъ произведеній и ихъ разборъ, а не на сухія и вызывающія лишь горечь и скуку правила старой орѳографіи, диктанты и пр.

Больше всего возраженій противъ реформы основывается на сознаніи трудности переходнаго времени. Но и здѣсь, надо сказать, много излишнихъ страховъ и преувеличеній. Во-первыхъ, реформа эта не обязываетъ непремѣнно переходить всѣмъ, уже усвоившимъ старое правописаніе, на новое письмо. Осуществленіе ея дѣло постепенное. Упрощенное правописаніе, въ качествѣ обязательнаго вводится съ начала текущаго учебнаго года лишь для лицъ, только что приступающихъ къ грамотѣ. У этихъ лицъ не сложилось еще ни-

какихъ привычныхъ связей съ старымъ правописаніемъ, имъ ничему не приходится переучиваться,—они прямо и приступаютъ къ новому упрощенному правописанію. Для лицъ уже не перваго года обученія предоставляется полная возможность обучаться по старому правописанію, но, если они выразятъ желаніе перейти на новое, то свободно могутъ это сдѣлать. Одно должно строго преслѣдоваться—сознательная смѣсь стараго и новаго правописанія. Къ невольнымъ ошибкамъ въ предѣлахъ, затрагиваемыхъ новымъ правописаніемъ правилъ, слѣдуетъ относиться снисходительно. Всѣ же остальныя правила, оставшіяся общими для стараго и новаго правописанія, неизмѣнно должны соблюдаться. Отсюда видно, что смѣсь и взаимная путаница между обоими правописаніями явно нежелательно. Правописаніе всегда должно стремиться къ единообразію. При опытѣ и педагогическомъ тактѣ учителей достичь этого вполнѣ возможно. Важно только, чтобы учителя постарались вникнуть въ существо реформы и имѣли бы желаніе ее осуществлять. Въ приложенныхъ къ настоящему очерку обстоятельныхъ циркулярныхъ разъясненіяхъ министра народнаго просвѣщенія даны первыя необходимыя указанія. Мы не сомнѣваемся, что въ скоромъ времени должны послѣдовать новые буквари и учебники. Кстати, еще не надо забывать, что измѣнить во что бы то на стало всѣ книги для чтенія и перепечатать ихъ новымъ правописаніемъ и невозможно и не нужно. Вѣдь научиться *читать* по старому правописанію, когда учащійся уже ознакомился съ грамотой по новому правописанію, значительно легче, чѣмъ научить его *писать* по старому правописанію. Прочитать ѣ за е гораздо легче, чѣмъ заучить всѣ правила, когда это ѣ нужно ставить на письмѣ. Съ распространеніемъ новаго правописанія въ школѣ, изъ года въ годъ все больше и больше оно будетъ входить въ жизнь, къ нему будетъ приспособляться несомнѣнно и печать и, такимъ образомъ,—не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ общество привыкнетъ, примирится и будетъ радо новому правописанію. И дѣйствительно, не такъ ужъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ.

Наконецъ, современные противники реформы указываютъ на тяжесть и сложность текущихъ политическихъ событій

и считаютъ проведеніе ея съ нынѣшняго года явленіемъ во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. Но, вѣдь, новое правописаніе вводится, пока что, только для самаго начальнаго обученія. Для этихъ лицъ, какъ мы сказали, никакой ломки не произойдетъ, облегченіе же въ дѣлѣ ихъ обученія грамотѣ чрезвычайно большое. Не трудность, не отягченіе, а облегченіе несетъ въ школу новая реформа. Не даромъ она такъ всегда горячо привѣтствовалась и ожидалась и учащими и учащимися.

У сторонниковъ же сохраненія стараго, въ чемъ бы оно не выражалось, всегда найдутся аргументы и ссылки на „несвоевременность“. Исторія вопроса о реформѣ правописанія достаточно это показала. Любопытно и весьма характерно, что раньше, въ „спокойный“ періодъ руеской жизни, защитники старой орѳографіи ссылались на тотъ фактъ, что измѣненіе правописанія у различныхъ народовъ стоитъ обычно въ связи съ какимъ-нибудь потрясеніемъ народной жизни или съ моментомъ интенсивнаго ея возрожденія. „Состояніе современной русской жизни, говорилъ одинъ изъ противниковъ реформы на засѣданіи орѳографической Комиссіи при Академіи Наукъ въ 1904 году, въ которой не замѣчается *ни кризиса, ни возрожденія отъ какого-либо упадка*, не даетъ основаній къ коренному преобразованію орѳографіи“. Если для проведенія орѳографической реформы дѣйствительно нужны потрясенія народной жизни, то теперь послѣ всѣхъ событій послѣдняго времени, такихъ поводовъ къ реформѣ больше, чѣмъ нужно.

Итакъ, согласимся съ мнѣніями ученыхъ и педагогическихъ авторитетовъ въ пользу реформы и съ горячей вѣрой, что упрощеніе правописанія прежде всего вводится въ интересахъ развитія народнаго образованія и тѣмъ служитъ однимъ изъ орудій для борьбы съ великимъ невѣжествомъ, отъ котораго готова погибнуть наша родина, будемъ содѣйствовать наиболѣе легкому и безболѣзненному его утвержденію въ жизни.

V.

Переходимъ къ изложенію одобренныхъ особымъ совѣщаніемъ при Академіи Наукъ 11 мая 1917 года и предло-

женныхъ къ проведенію въ жизнь министромъ народнаго просвѣщенія *упрощеній* русской орѳографіи.

Вводимыя измѣненія.

Исключается изъ состава азбуки: Ѣ, V, І, Ѳ.

а) Исключеніе І и V.

Всѣ три буквы И, І, V означаютъ одинъ и тотъ же звукъ — **и**. Появленіе въ русской азбукѣ этихъ трехъ варіантовъ объясняется изъ старославянской азбуки, которая въ свою очередь взяла всѣ три буквы въ подражаніе греческому алфавиту. Наличность трехъ этихъ буквъ (іотъ, ита, ипсилонъ) въ греческомъ письмѣ вытекала изъ бывшей первоначально разницы между обозначаемыми ими звуками, потомъ лишь слившимися въ одномъ звукѣ **и**.

Вопросъ объ оставленіи въ правописаніи одной изъ трехъ буквъ ставился очень давно. V была исключена изъ гражданскаго шрифта Петромъ Великимъ; позднѣе вновь введена и употреблялась въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ съ греческаго словахъ: мvро, сvнодъ. Однако обычай давно вывелъ ее изъ употребленія.

Труднѣе рѣшался вопросъ, какому изъ двухъ **и** отдать предпочтеніе; оставить въ правописаніи **и** или **і**. Были, и теперь находятся сторонники, или того, или другого. Необходости въ оставленіи обѣихъ буквъ нѣтъ и не было никакой; словное правило писать **і** передъ гласными, а въ другихъ случаяхъ **и**, никакой серьезной почвы подъ собой не имѣетъ.

печати это правило принято въ 1738 году. У каждой изъ этихъ двухъ буквъ были свои сторонники. Одни предлагали сохранить **і**, другіе **и**. Буква **і** была сохранена, а **и** упразднена въ первоначальномъ гражданскомъ шрифтѣ, но позднѣе, вновь введена также буква **и**. Однако въ XVIII в. нерѣдко въ печати употреблялась одна буква **і**. (Напр., у Тредьяковскаго). Бѣлинскій также высказывался въ пользу сохраненія одного **і**: „буква **и**, и некрасива и шире буквы **і**, больше ея занимаетъ мѣста: вонъ ее! Намъ и **і** будетъ хорошо служить и за нее и за себя. Но гдѣ тогда взять **й**? Вытяните **і** внизъ за строчку—вотъ вамъ и иже краткое, только не безобразное, а

красивое j". Высказывалось мнѣніе въ пользу і въ видахъ типографскихъ удобствъ, большей убористости этой буквы. Но въ концѣ-концовъ возобладало мнѣніе въ пользу сохраненія въ правописаніи и и за исключеніе изъ него і. При этомъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду бо́льшая употребительность въ старомъ правописаніи буквы и и ея близость къ буквѣ й. Благодаря этому излишне не затруднялся переходъ отъ привычнаго письма къ новому. Кромѣ того указывалось, что и писать легче, чѣмъ і, такъ какъ для послѣдняго требуется отрывать отъ письма руку, чтобы поставять надстрочную точку.

б) Исключеніе Ѣ.

Буква ѣ въ древне-русскомъ, а также въ старо-славянскомъ языкѣ обозначала особый звукъ, который только въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго языка, и то не во всѣхъ нарѣчіяхъ, слился со звукомъ — е. Наше правописаніе употребляетъ ѣ нерѣдко совершенно неправильно съ исторической точки зрѣнія. Такъ, въ словахъ *сѣдло, цвѣлъ, змѣй, Сергѣй*—ѣ употребленъ ошибочно. Но это ошибочное написаніе утвердилось въ нашей орѳографіи. Съ другой стороны во многихъ словахъ, гдѣ съ исторической точки зрѣнія нужно писать ѣ, наше правописаніе требуетъ писать е: напр., блескъ, ведро, мелкій, некого, негдѣ, деверь, песокъ, время, брегъ млечный (ср. правильно плѣнъ) и др., такъ что съ научной точки зрѣнія въ современномъ намъ правописаніи употребленіе ѣ далеко не соотвѣтствуетъ исторической основѣ. Сторонники сохраненія ѣ указываютъ на затруднительность, при исключеніи изъ правописанія ѣ, различать слова всѣ и всё, ѣсть и есть, мѣлъ и мелъ. Для устраненія этого отчасти поможетъ написаніе ё, тѣмъ болѣе, что это не трудно, такъ какъ постановка ё будетъ соотвѣтствовать произношенію; но вообще говоря, смыслъ слова долженъ быть ясенъ изъ построенія фразы; вѣдь въ нашемъ языкѣ не мало словъ съ различными значеніями, которыя узнаются по смыслу рѣчи; вѣдь различаемъ мы: тому (мѣстоимѣніе и дат. падежъ существительнаго), печь (сущ. и глаголъ) и т. д. Надо помнить, что устраненіе изъ правописанія буквы ѣ, устраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необхо-

димость запоминать, а тѣмъ болѣе заучивать, болѣе 130 коренныхъ словъ съ этой буквой. Въ отвѣтъ на тотъ доводъ въ пользу сохраненія ѣ, что ѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ (напр., малорусскомъ, сѣверно-великорусскомъ и даже нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ) произносится отлично отъ е, слѣдуетъ отмѣтить, что правописаніе не можетъ и не должно сохранять діалектическія особенности, а если и можетъ считаться съ живымъ произношеніемъ, то прежде всего съ литературнымъ. Приведемъ по этому поводу остроумное замѣчаніе автора нач. XIX в. Хабарова: „Одни говорятъ пишите ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ малороссіяне произносятъ и. Покорнѣйше благодаримъ! Слѣдовательно, чтобы писать по-русски, надо ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручного малороссіянина для справокъ". Добавимъ къ словамъ Хабарова, что и сличеніе съ малорусскимъ языкомъ не дало бы желательнаго и надежнаго критерія для правильнаго написанія буквы ѣ, такъ какъ звукъ и въ малорусскомъ языкѣ часто произносится на мѣстѣ древняго е. Заключимъ словами одного ученаго сторонника реформы: „Все, что приводилось и приводится въ пользу ѣ, не выдерживаетъ критики: справедливо только одно — что мы къ нему привыкли, и что отсутствіе его намъ покажется страннымъ; но мало ли дурныхъ, хотя глубоко укоренившихся обычаевъ" (Проф. Брандтъ).

в) Исключеніе ѳ.

Ѳ въ русскую азбуку взята изъ старославянской; въ нее же она введена въ подражаніе греческому письму, такъ какъ въ древнегреческомъ языкѣ ѳ означала звукъ отличный отъ ф. Ѳ пишется въ нѣкоторыхъ словахъ греческаго происхожденія, именно въ тѣхъ, въ которыхъ она писалась и по-гречески. Для русскаго языка она совершенно лишняя.

Противъ Ѳ ярко и образно возражалъ еще Бѣлинскій. Указавъ, что старославянскій языкъ въ подражаніе греческому ввелъ вовсе ему ненужныя буквы, какъ: пси, ѳиту, ижицу, омегу и и (иту), Бѣлинскій говоритъ: „Но нашъ русскій языкъ не церковнославянскій и ему нѣтъ никакой ну-

жды кланяться греческому языку особыми буквами. Если же это было для него необходимо, то логическая послѣдовательность и чувство справедливости требовали бы отъ него, чтобы онъ особенными буквами кланялся также латинскому, французскому, нѣмецкому, англійскому, голландскому и итальянскому языкамъ, отъ которыхъ поживился большимъ количествомъ словъ — и тогда имѣлъ бы удовольствіе и гордость обладать большою азбукою — въ тысячу счетомъ".

Употребленіе буквы Ъ.

Ъ употребляется только какъ знакъ отдѣлительный въ концѣ приставокъ (напр., объявленіе, подъѣздъ), во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ъ исключается.

Буква ъ въ старинной письменности передавала существовавшій въ общеславянскомъ, а также и въ древне-русскомъ языкѣ особый *гласный звукъ*. Этотъ звукъ въ теченіе XII—XIII вѣковъ въ русскомъ языкѣ въ однихъ положеніяхъ перешелъ въ звукъ о, въ другихъ, въ частности, въ концѣ словъ, изъ произношенія совершенно исчезъ (сънъ — сон, съна — сна). Слѣдъ этого звука до сихъ поръ сказывается въ нашемъ языкѣ. Такъ называемое „бѣглое" о (хотя бы въ приведенномъ примѣрѣ сонъ, сна) получаетъ свое объясненіе изъ исторіи этого звука; исчезновеніемъ этого гласнаго звука объясняется переходъ звонкаго согласнаго въ концѣ слова въ глухой — мы пишемъ дубъ, дѣдъ, а произносимъ дуп, дет; также объясняется переходъ звонкаго согласнаго передъ глухимъ въ глухой, а глухого передъ звонкимъ въ звонкій, пишемъ: сказка (въ древности съказъка), произносимъ скаска.

Звукъ ъ къ н. XIV вѣка окончательно исчезъ изъ живого произношенія, письмо же въ силу своей консервативности продолжало (хотя далеко непослѣдовательно) все еще сохранять соотвѣтствующую ему букву ъ. Эта, ставшая, вслѣдствіе измѣненій русскаго языка, лишнею буква получила новое осмысленіе, кака знакъ твердости. Необходимости въ такомъ знакѣ, конечно, не было и нѣтъ, если тѣмъ или другимъ способомъ на письмѣ обозначается мягкость согласныхъ.

Такимъ образомъ буква ъ въ нашемъ письмѣ лишняя. Это признавали давно. Ломоносовъ называлъ ее „пятымъ

колесомъ". Даже ак. Гротъ принципіально считалъ возможнымъ ее уничтожить, чего, впрочемъ, въ своемъ Руководствѣ къ правописанію не сдѣлалъ. Приводились также соображенія, что изъятіе ъ изъ азбуки создастъ 8% экономіи въ печатномъ текстѣ. Особенно такое сокращеніе важно для газетъ, гдѣ часто цѣнится каждая строчка.

По новому правописанію буква ъ оставляется только въ смыслѣ отдѣлительнаго знака послѣ приставокъ. Многіе изъ сторонниковъ упрощенія правописанія высказывались за полное уничтоженіе ъ, даже, какъ отдѣлительнаго знака. Вмѣсто него, въ этихъ случаяхъ предлагали ставить ь (проектъ Педагогическаго Общества), другіе стояли за введеніе буквы ј (ак. Коршъ), третьи за особый надстрочный знакъ (апострофъ). Оставленіе буквы ъ въ указанномъ положеніи объясняется уступкой привычному письму.

Буква ё

Желательно (но не обязательно) употребленіе буквы ё.

Введеніе этой буквы поможетъ отличать яснѣе такія, напримѣръ, слова, какъ мел (мѣл) и мёл. Необязательной, однако она признается изъ за нежеланія затруднять переходъ къ новому правописанію введеніемъ новыхъ буквъ или значковъ. Объясненіе употребленію въ старомъ правописаніи буквы **е**, а не **о** (ё, собственно, должно означать произносимый нами звукъ о послѣ мягкаго согласнаго; мел при точной фонетической транскрипціи долженъ быть представленъ въ видѣ м'ол, гдѣ **м'** означаетъ мягкое **м**) находимъ въ исторіи русскаго языка: въ этихъ случаяхъ, гдѣ мы теперь подъ удареніемъ передъ твердой согласной произносимъ о—мел, нес, вел въ древнерусскомъ языкѣ произносился звукъ **е**, который только позднѣе перешелъ въ звукъ о. Такимъ образомъ наше правописаніе удерживало **е**, согласно древнему произношенію.

Приставки на букву з.

Приставки из, низ, воз, раз, роз, а также без, чрез, через мѣняютъ з на с передъ глухими согласными (въ томъ числѣ и передъ с): источник, рассада, бесполезно, чересполосица.

Новое правописаніе и здѣсь вводитъ единообразіе, идя навстрѣчу произношенію. Существовавшее до сихъ поръ въ правописаніи примѣненіе этого правила только къ одной части приставокъ на **з** не имѣло за собой никакого основанія. По новому правописанію з замѣняется черезъ **с** также и передъ **с** (рассудить), что также согласно съ произношеніемъ и избавляетъ отъ необходимости запоминать лишнее грамматическое исключеніе.

Достичь единообразія въ этомъ случаѣ предполагалось нѣкоторыми лицами путемъ сохраненія буквы з во всѣхъ случаяхъ; однако было отдано предпочтеніе фонетическому принципу, тѣмъ болѣе, что для части приставокъ онъ уже былъ примѣненъ и въ старомъ правописаніи.

Родительный падежъ прилагательныхъ на—ого,—его.

Въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ мужескаго рода пишется— **ого,—его:** *слѣпого, доброго, тихого; синего, свежего, лучшего, прочего, лисьего, княжьего.*

Новое правило вводитъ въ наше правописаніе большее единообразіе, чѣмъ было до сихъ поръ. Употреблявшіяся окончанія—**аго,—яго**, были взяты изъ церковнославянскаго языка; въ русскомъ же живомъ языкѣ всегда были окончанія—**ого,—его**; и теперь окончаніе **ого** произносится съ **о** подъ удареніемъ (большого). Окончаніе—**ого** поддерживается окончаніями другихъ падежей: подъ удареніемъ произносится и пишется въ им. п. окончаніе—**ой:** большой, чужой. О мы пишемъ, а подъ удареніемъ и произносимъ, также въ окончаніи дат. падежа—большому, доброму. Окончаніе—**его**, съ **е**, а не **я**, также находитъ себѣ соотвѣтствіе въ произношеніи окончанія им. п. прилагательныхъ подъ удареніемъ; правда, такихъ словъ немного: самъ-третей. Въ дательномъ пад. также пишется—**е**: синему, лучшему, свежему.

Были проекты—писать согласно литературному произношенію окончанія—**ово,—ево**; но въ виду того, что такое написаніе рѣзко измѣнило бы привычное письмо, а отчасти въ виду наличности въ этихъ случаяхъ звука **г** (точнѣе **h**) въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и въ рядѣ великорусскихъ говоровъ предпочтено ввести написаніе—**ого,—его.**

Окончаніе им. п. мн. ч. прилагательныхъ —ые.

Во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишется —ые,— ие *для всѣхъ родовъ: добрые люди, тесные улицы, глубокие моря.*

Благодаря этому правилу также вводится въ правописаніе большее единообразіе, а кромѣ того устраняется совершенно произвольное, установленное Ломоносовымъ прежнее правило. Въ древнерусскомъ языкѣ окончаніе для муж. рода было —ии, для женскаго —ыѣ, — для сред. — ая, т. о, окончаніе—ые есть собственно нѣсколько измѣненное (ѣ на е) древнерусское окончаніе им. п. ж. рода, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и окончаніемъ вин. п. мн. ч. муж. рода.

Были голоса въ пользу единообразнаго для всѣхъ родовъ написанія—ыи, что соотвѣтствовало бы современному литературному произношенію, съ одной стороны, и стояло бы въ большемъ соотвѣтствіи съ окончаніями на и такихъ словъ, какъ: мои, твои, наши, лисьи, Божьи. Высказывалось, мнѣніе и въ пользу введенія единаго окончанія—ыя, для всѣхъ родовъ.

Такимъ образомъ, хотя окончаніе—ые остается съ исторической точки искусственнымъ, но все же, съ введеніемъ его, достигается единообразіе и не дѣлается рѣзкаго различія отъ обычнаго письма, что неизбѣжно случилось бы при введеніи общаго для всѣхъ родовъ окончанія—ыи.

Они, онѣ, одни, однѣ.

Пишется они, одни для всѣхъ родовъ, также одних, одним одними.

Этимъ также достигается большее единообразіе на письмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сближеніе съ произношеніемъ. Требованіе стараго правописанія различать они и онѣ исторически не обосновано. Въ старославянскомъ языкѣ им. мн. былъ для муж. р.—они, для жен.—оны, для сред.—она. Написаніе онѣ искусственное, введенное въ правописаніе Ломоносовымъ, и основано на діалектическомъ произношеніи оне, одинаково и здѣсь общимъ для всѣхъ родовъ.

Род. пад. мѣстоименія — ее.

Пишется **ее** *и для род. и для вин. падежей.*

Написаніе **ея** для род. п. проникло въ правописаніе изъ церковнославянскаго языка. Древнерусское окончаніе было — **еѣ**, откуда позднѣе съ переходомъ **ѣ** въ **е** — **ее**. Такимъ образомъ окончаніе **ее** больше соотвѣтствуетъ исторіи русскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ съ произношеніемъ.

Кромѣ перечисленнаго, новое упрощенное правописаніе измѣняетъ нѣсколько правила *переноса* словъ и *слитнаго написанія нарѣчій.*[1]) Эти правила см. въ первомъ приложеніи подъ §§ 12 и 13.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Постановленія совѣщанія по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія, принятыя 11 мая 1917 г.[2]).

1. Исключить букву **ѣ**, съ послѣдовательной замѣною ея черезъ **е** (колено, вера, семя, в избе, кроме).

2. Исключить букву **ѳ** съ замѣною ея черезъ **ф** (Фома, Афанасий, фимиам, кафедра).

3. Исключить букву **ъ** въ концѣ словъ и частей сложныхъ словъ (хлеб, посол, меч, пять куч, контр-адмирал), но сохранить ее въ серединѣ словъ въ значеніи отдѣлительнаго знака (съемка, разъяснять, адъютант).

4. Исключить букву **і**, съ замѣной ея черезъ **и** (учение, Россия, пиявка, Иоанн, высокий).

5. Признать желательнымъ, но необязательнымъ употребленіе буквы **ё** (нёс, вёл, всё).

---

[1]) Въ объясненіе послѣдняго правила ср. замѣчаніе И. И. Срезневскаго. (Объ изученіи родного языка): „Не всѣ глядятъ на слова одинаково: одни считаютъ за нераздѣльныя слова въ слѣдствіе, на перекоръ, въ своемъ, между прочимъ, отъ части, по неволѣ, съ начала, подъ конецъ и пр., и пишутъ ихъ сливая; другіе раздѣляютъ каждое изъ этихъ выраженій на два слова".

[2]) Перепечатываются одни постановленія. Поясненія къ нимъ, въ виду вышеприведенныхъ нашихъ замѣчаній, мы опускаемъ.

6. Писать приставки **из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через** передъ гласными и звонкими согласными съ **з**, но замѣнять **з** буквою **с** передъ глухими согласными, въ томъ числѣ и передъ **с** (извините, воззвание, разумно, взыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно,—исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник).

7. Писать въ род. пад. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій — **ого**, — **его**, вмѣсто — **аго**,—**яго** (доброго, пятого, которого, синего, свежего).

8. Писать въ имен. и вин. пад. мн. женск. и ср. рода прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій—**ые**,—**ие**, вмѣсто—**ыя**,—**ія** (добрые, старые, синие, какие).

9. Писать **они**, вмѣсто **онѣ**, въ имен. пад. мн ч. женскаго рода.

10. Писать въ женскомъ родѣ **одни, одних, одним, одними**, вмѣсто **однѣ, однѣх, однѣм, однѣми.**

11. Писать въ род. пад. ед. ч. мѣстоименія личнаго женск. р. **ее** (или **её**), вмѣсто **ея.**

12. При переносѣ словъ ограничиться слѣдующими правилами: согласная (одна или послѣдняя въ группѣ согласныхъ) непосредственно передъ гласной, не должна быть отдѣляема отъ этой гласной. Равнымъ образомъ группа согласныхъ въ началѣ словъ не отдѣляется отъ гласной. Буква **й** передъ согласной не должна быть отдѣляема отъ предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное **й** и группа согласныхъ на концѣ словъ не могутъ быть отдѣлены отъ предшествующей гласной. При переносѣ словъ, имѣющихъ приставки, нельзя переносить въ слѣдующую строку согласную въ концѣ приставки, если эта согласная находится передъ согласной, напр., надлежитъ дѣлить под-ходить, а не по-дходить, раз-вязать, а не ра-звязать.

13. Допустить слитное и раздѣльное написаніе въ нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ сложенія существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ съ предлогами (встороне и в стороне, втечение и в течение, сверху и с верху, вдвое и в двое).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Циркуляръ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 4 августа 1917 г.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПОПЕЧИТЕЛЬ
Московскаго Учебнаго
Округа.

КАНЦЕЛЯРІЯ.
столъ 2.
4 августа 1917 г.
№ 22988
МОСКВА.

КОПІЯ.

Циркулярно.
Спѣшно.

Гг. начальникамъ мужскихъ и женскихъ казенныхъ и частныхъ общеобразовательныхъ и промышленныхъ полноправныхъ и съ правами для учащихся учебныхъ заведеній, директорамъ и начальницамъ учительскихъ институтовъ и семинарій и директорамъ народныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, циркулярными распоряженіями отъ 17 мая и 22 іюня 1917 г. за №№ 5456 и 5717, сообщило нижеслѣдующее:

Вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія уже давно является предметомъ особаго вниманія ученыхъ и педагогическихъ круговъ Россіи. Въ началѣ двадцатаго столѣтія то или иное рѣшеніе этого вопроса представлялось настолько неотложнымъ, что Академія Наукъ въ 1904 году образовала особую орѳографическую комиссію, при участіи представителей педагогическаго міра, разработавшую тѣ основанія, на которыхъ должно быть произведено упрощеніе правописанія. Работы этой комиссіи [1]) практическаго осуществленія не получили, несмотря на то, что и въ ученыхъ и педагогическихъ кругахъ встрѣтили въ общимъ полное одобреніе и сочувствіе. Въ настоящее время упрощеніе правописанія вновь сдѣлалось предметомъ пожеланій педагогическихъ съѣздовъ, отдѣльныхъ учрежденій и лицъ. Такъ, наприм.

[1]) Опубликованныя въ особыхъ брошюрахъ: а) Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи. СПБ. 1914 г. и б) Постановленія орѳографической подкомиссіи. СПБ. 1912 г.

за необходимость реформы правописанія категорически высказался Всероссійскій съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности, происходившій въ декабрѣ 1916 г. въ Москвѣ. Аналогичныя пожеланія поступали въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и отъ другихъ съѣздовъ. 11 мая сего года особое Совѣщаніе при Академіи Наукъ, подъ предсѣдательствомъ академика А. А. Шахматова, признало вполнѣ своевременнымъ и цѣлесообразнымъ произвести въ русскомъ правописаніи упрощенія, основанныя на работахъ орѳографической комиссіи и состоящей при ней подкомиссіи.

Въ виду сего Министерство проситъ принять мѣры къ осуществленію предположенной совѣщаніемъ реформы русскаго правописанія безотлагательно съ начала 1917/1918 учебнаго года.

При проведеніи въ жизнь школы настоящаго мѣропріятія Министерство преподало къ руководству нижеслѣдующія основанія: [1])

„1. Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы: в этом отделении, при обучении чтению уже обязательно применение нового правописания, при чем учащие должны ознакомить детей и с исключенными буквами (ѣ, і, ѳ, v), но лишь после прочного усвоения ими нового правописания, когда и где они найдут это удобным. В старшем отделении начальной школы, в высшем начальном училище и в среднем учебном заведении следует лишь рекомендовать учащимся переходить к новому правописанию.

2. Намеченная реформа должна быть осуществлена целиком, во всем ее объеме и отнюдь не может осуществляться по частям, в виде применения в предстоящем году тех, или других отдельных ее пунктов.

3. При проведении реформы необходимо избегать насилия над желаниями самих учащихся, почему не может быть допущено принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания, при этом преподавателю необходимо относиться терпимо к правописанию, не при-

---

[1]) Напечатаны въ Вѣстникѣ Временнаго Правительства № 96 отъ 5 іюля 1917 г. *Авт.*

нуждать к тому же отдельных учащихся в классе, против их желания. В каждом классе соответственно этому могут быть две группы (пишущих по старому и пишущих по новому правописанию), третьей группы не должно быть, так как беспорядочное смешение обеих систем не может быть допускаемо, как противоречащее осуществлению реформы в целом ее виде и разрушающее в основе самую идею правописания.

4. В отношении лиц, держащих вступительный экзамен, необходимо руководиться нижеследующими указаниями: а) для них остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего и для нового правописания, и ошибками являются лишь нарушения этих правил, б) к готовившимся к экзамену по новому правописанию не может быть предъявляемо требований по прежней орфографии и в) не должны признаваться ошибками все случаи написания, не погрещающие против правил или нового или старого правописания.

5. При проведении нового правописания в жизнь школы в настоящем году придется считаться с тем неизбежным обстоятельством, что букварей, приспособленных к новому правописанию и столь желательных, по крайней мере, для младшего отделения начальной школы, не будет в распоряжении школы, и поэтому придется при обучении чтению пользоваться старыми букварями, новое же правописание вводить при обучении письму, широко пользуясь подвижной азбукой, по удалении из нее лишних букв, и неизбежно уделяя больше времени письму.

6. В целях выяснения смысла реформы и привлечения доверия общества, родителей и учащихся к проводимому Министерством мероприятию, выработанному особым совещанием при Академии Наук и встретившему поддержку Государственного Комитета при Министерстве Народного Просвещения, необходимо всемерно выяснить, что настоящее упрощение русского правописания отнюдь не стремится ввести произвольное фонетическое письмо, а напротив новая орфография является системой научно-обоснованной, которая, сохраняя все прежние основы нашего правописания, стремится лишь к установлению соответствия между написанием

с одной стороны и звуковым составом и этимологическим строем живого литературного языка с другой. Этой цели могли бы служить небольшие брошюры, статьи с изложением новых правил правописания и с краткой, но в то же время научной их мотивировкой, издание образцов нового правописания и справочных словариков, а также беседы и лекции для учащихся. К этой работе, наряду с проектируемой работой Министерства в этой области, желательно было бы привлечь кружки работающих по языкознанию при университетах, общества преподавателей русского языка и вообще всех лиц, работающих в этой области.

7. Несмотря на стремление предусмотреть все возможные случаи, связанные с проведением в жизнь нового правописания, все же могут встретиться такие затруднения, которые не могут быть разрешены преподавателем и тогда надлежит разрешать таковые на местах в комиссиях преподавателей русского языка и в педагогических советах.

Вместе с сим Министерство высказало уверенность, что преподаватели отнесутся с должным вниманием к настоящей реформе и приложат все усилия к наилучшему ее проведению в жизнь школы с этого учебного года".

Объ изложенномъ сообщаю гг. начальникамъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ округа для руководства въ подлежащихъ случаяхъ и должнаго исполненія.

Копія постановленія означеннаго совѣщанія будетъ прислана дополнительно, по полученіи изъ Министерства.

Гг. директоровъ народныхъ училищъ прошу сообщить копію сего циркуляра мѣстнымъ городскимъ управамъ и губернской и уѣзднымъ земскимъ управамъ.

Попечитель (подп.) *С. Чаплыгинъ.*

Правитель Канцеляріи (скрѣп.). *В. Стефановскій.*

Вѣрно.

Столоначальникъ *С. Бутковскій.*

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

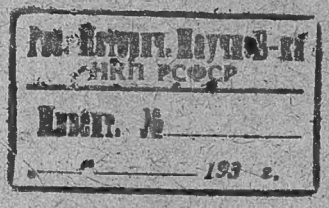
Образецъ новаго правописанія.

Ночь перед Рождеством.

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя ясная ночь наступила; глянули звёзды; месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра, но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат, месяц один только заглядывал в них украдкою, как бы вызывая принаряжавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалил дым и пошёл тучею по небу; и вместе с дымом, поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время прозвучал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками, с дьявольски сплетённою плеткою, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он верно бы приметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих — у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды одна за другою пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестели. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос, вместо очков, колёса с комиссаровой брички, и тогда бы не

распознал, что это такое. Спереди, совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пятачком; ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он бы переломал их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что он весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чорт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей.



Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

ОИК 42986.

Т-во „ЗАДРУГА“

Москва: Крестовоздвиженскій пер., 9. **Петроградъ:** Гончарная, 24.

Л. Н. Толстой. Азбука. (Печ.).

Его же. Первая книга для чтения. (Печ.).

Изданы по новому правописанию под наблюдением и с предисловием проф. П. Н. Сакулина.

Цѣна 75 коп.